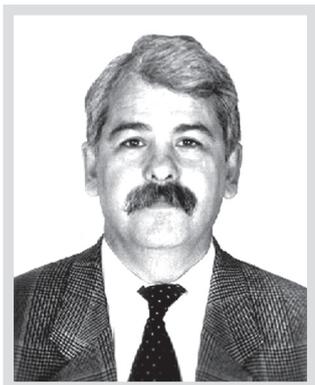

УДК 340.12

Народное представительство и парламентаризм в программах политических партий России 1905-1917 гг.: политико-правовые идеи, концепции, формулы

Циунчук Р.А.

Доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Казанского государственного университета

В статье исследуется комплекс политико-правовых идей народного представительства и парламентаризма, представленный в программных документах различных российских политических партий и политических движений начала XX века, выявляются характерные черты процесса адаптации и развития этих идей в политико-правовых доктринах политических сил, вступивших в легальное противоборство за представительство в Государственной думе (1906-1917 гг.).

Ключевые слова: парламентаризм, государство, народное представительство, бюджетные и финансовые права, партийные программы.

В российском политико-правовом дискурсе рубежа XIX–XX века термины *народное представительство, представительная форма правления, парламентаризм, конституция, конституционное государство* все еще продолжали рассматриваться и истрактывываться лишь как правовые институты, политические доктрины и политические практики зарубежного государственного права, далекие от реальной российской политико-правовой жизни. Известные проекты реформирования государственного строя на основе *народного представительства*, выдвигавшиеся в XIX веке [См.: 1], не были осуществлены и оставались лишь объектами для исследователей политической и правовой общественной мысли. Однако в начале XX века к этим политико-правовым документам вновь усилился не только научный, но и практико-политический интерес, а также обозначилось стремление заметной части представителей политико-правовой мысли и недоминирующих политических элит распространить

и адаптировать зарубежный правовой опыт для модернизации государственного строя.

Для понимания проблемы весьма показательны статьи «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона» (1890-е гг.), раскрывающие принятое наукой и обществом на тот момент содержание терминов *представительство, парламентаризм, конституция*. Например, «представительное правление» разъяснялось как «правление, основанное на принципе представительства», его синонимом называлось «*конституционное правление*», отмечалось, что «правление помимо представительства возможно лишь в абсолютных монархиях, либо в непосредственных республиках» [2, с. 25]. Автор статьи «*Парламентаризм*» подчеркивал, что «это система государственного устройства, при которой парламент играет преобладающую роль не только в качестве законодательного органа, но и в качестве органа верховного контроля над властью исполнительной», а типичным примером парламентарного государства явля-

ется Англия [3, с. 816]. Относительно понятия *конституции* в Энциклопедии пояснялось, что так называется «Основной закон тех стран, государственное устройство которых основано на начале народного представительства, а также в странах демократических (республиках)» [4, с. 87]. В дальнейшем российская политико-правовая наука и партийно-политическая практика подробнее сфокусировались на развитии и популяризации идей *народного представительства*, способствовали практической реализации этой идеи в *думской модели народного представительства* (1906-1917 гг.).

В процессе развития российской революции 1905-1907 гг., когда политический вектор событий неоднократно менял свое направление и силу, российские политические движения и партии, вступившие в этот момент на арену прямого политического противоборства, встали перед необходимостью четкого формулирования **главного политического вопроса – вопроса о власти** и соответственно – целей, задач и способов организации **реформирования системы государственного устройства России**, формулирования политико-правовых моделей **общероссийского народного представительства**, проработки схем его формирования, регламентации места и роли этого представительства в модернизируемой законодательной системе, а также определения пределов его компетенции.

Первоначальная российская партийно-политическая палитра формировалась в конце 1905 – начале 1906 гг. на базе трех слабоинституализированных общественно-политических движений: либерального движения (объединенного вокруг земского самоуправления, органов печати, университетских центров); революционистского движения в подполье и эмиграции (частично структурированного в агитационно-пропагандистских, частично – в террористических группах) и традиционалистского монархическо-черносотенного проправительственного движения (возникшего с опозданием в качестве «контрдвижения» и политического противоядия первым двум движениям).

До начала кризиса 1903-1904 гг. процесс образования партий имел замедленный, латентный характер. Резко проявившийся упадок самодержавного режима, обвальное ослабление

власти и атомизация составных элементов старой системы, развивавшиеся на фоне вхождения в политическую жизнь новых социальных групп, динамизировали общественно-политические движения, которые как новые субъекты политики стремились к общественной презентации своих политических интересов, к поиску прямых и косвенных путей воздействия на власть (или борьбы с ней). Вставала проблема легализации этих требований. Возникающие в 1903-1906 гг. политические движения и партии стремились к институализации и оформлению (оппозиционные вынуждены были действовать нелегально или полуполюгально, в связи с невозможностью зарегистрироваться для объединений, имеющих в программах пункты политически не согласующиеся с действующими Основными законами империи). Постепенно они идентифицировали себя с идейно-политическими течениями общественной (и соответственно – правовой) мысли, отражая определенные политические доктрины и концепции, политико-правовые идеи и ценности в своих программных документах и формулируя свою политическую волю в собственных стратегических планах и тактических установках.

После издания Манифеста 6 августа 1905 года с проектом создания **законосовещательной** («булыгинской») Думы и Манифеста 17 октября 1905 года, юридически провозгласившего изменения политической системы (введение гражданских **прав и свобод**, создание **законодательной выборной Думы**, учреждение объединенного кабинета министров) политико-правовая проблема *народного представительства*, его функционального и содержательного наполнения, его места и роли в политической системе и политическом процессе стал обязательным компонентом любого партийно-политического документа и принципиальным основанием для размежевания партий, принадлежащих к различным политическим полюсам. Несмотря на то, что среди более чем трех десятков политических партий и объединений, заявивших о себе как об общероссийских политических партиях, оказалось немало «суррогатных» партий (корпоративных союзов, временных и малочисленных – «диванных» политических объединений, «заказных» пропра-

вительственных группировок), представленные ими политические документы также отражали инвариантные подходы общества к важнейшей политико-правовой проблеме государственного устройства – к идеям *народного представительства и парламентаризма*.

Следует отметить, что практически все политические партии и объединения в своих программных документах этого периода – собственно программа, учредительных заявлениях, предвыборных обращениях и платформах стремились определить свое принципиальное отношение к важнейшим вопросам государственного устройства (или переустройства) России начала XX века:

- 1) форме государственного строя, месту и полномочиям монарха (в случае сохранения монархической формы правления);
- 2) выборному представительному однопалатному или двухпалатному органу (Государственной думе и Государственному совету);
- 3) избирательной системе и избирательным правам граждан;
- 4) учредительному собранию;
- 5) форме и полномочиям местного самоуправления и принципам национально-государственного устройства.

Начнем рассмотрение отражения идеи народного представительства и связанных с ней проблем государственного переустройства с характеристики позиций консервативного партийно-политического блока партий и движений. Известно, что идеологическая и организационная консолидация правых сил произошла в связи с началом революционных событий по инициативе властных элит. В целях создания политического противовеса оппозиционным партиям на предполагавшихся первых думских выборах (и в самой Думе) самодержавие и традиционная имперская элита стимулировали оформление консервативно-монархических организаций, которые, занимая крайне правые политические позиции, пытались теоретически и практико-политически отстаивать концепцию самобытности политического пути России и обосновать неприемлемость для страны принципов *конституционализма и европейской парламентской системы*. Издание Манифеста 17 октября 1905 года, в котором самодержец

заявил о «добровольном» желании ограничить свою власть, ввести гражданские свободы и учредить общероссийское законодательное представительство – Государственную думу вызвало в среде крайне правых замешательство. Председатель Совета Всероссийского союза землевладельцев А.А. Чемодуров заявил на Учредительном съезде союза 17 ноября 1905 года, что Манифест сверг «нас в полное недоумение» [5, с. 7].

Наиболее непримиримое крыло защитников существующего строя сразу после издания Манифеста 17 октября прибегло к организации монархических шествий и открытой террористической тактике социальных и национальных погромов, стремясь показать себя весомой силой, выступавшей от имени народа против любого правового ограничения самодержавия и созыва Государственной думы. Другая часть защитников самодержавия, поддерживая жесткие меры по подавлению революции, поставила перед собой задачу приспособления своей тактики к новым условиям, хотя и полагала, что «учреждена Дума не на тех основаниях, как бы следовало» [6, с. 20]. Большинство правых политических организаций вынуждено было признать необходимость вести избирательную борьбу за свое представительство в Думе и разрабатывать свое видение *народного представительства* и представительной системы, формулировать соответствующие предвыборные политические лозунги и требования.

Позицию полного отрицания необходимости перемен и даже отказа от реализации обещаний Манифеста 17 октября заняла **Русская монархическая партия** (В.А. Грингмут, князь Д.Н. Долгоруков, священник И. Восторгов, барон Г.Г. Розен), которая агитировала за «царское самодержавие, осуществляемое посредством единой и сильной власти, назначенных монархом правительства и чиновников», предлагала отстаивать самодержавную власть «в том неприкосновенном виде, в каком Государь получил ее от своих царственных предков» [7, с. 1; 8, с. 111]. Идеологи партии считали необходимым для страны лишь существование назначаемого царем («по дарованиям, жизненному опыту и преданности самодержавию») совещательного **Государственного совета**, полагая выборное

начало вообще и учреждение выборной Думы, в частности, нежелательным и даже вредным для российского государственного устройства. Отрицательно относилась Русская монархическая партия (РМП) и к возможности развития местного выборного самоуправления.

Близкую РМП политическую позицию заняло Русское собрание (князь Д.П. Голицын, Н.А. Энгельгардт, граф Н.Ф. Гейден), которое в своей избирательной программе указывало, «что царское самодержавие не отменено Манифестом 17 октября 1905 г. и продолжает существовать на Руси и при новых порядках» [9, с. 130]. Призывая участвовать в выборах, Русское собрание указывало, что Дума, являясь совещательным учреждением, не имеет права что-либо менять в Основных законах России и должна заняться «деловой» разработкой законодательных предложений и «деловым» надзором за исполнительной властью. Не указывая четко своего отношения к избирательному закону, составители программы призывали своих сторонников сплотиться и составить «громоздкое национальное большинство в будущей Государственной думе» [9, с. 132].

Одной из наиболее крупных право-монархических организаций был **Союз русского народа** (А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков), который попытался проводить более реалистическую тактическую линию и намеревался претендовать на заметное представительство в Думе. В Уставе СРН особо подчеркивалось, что Дума – «оплот самодержавия, ... чуждая всяких ограничений верховной царской власти, должна правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства помогать законодательно осуществлять назревшие преобразования» [8, с. 118]. Отводя Думе такую политическую роль, идеологи Союза полагали вполне достаточным ограничить компетенцию Думы следующими основными правами: непосредственный доклад императору, запрос министрам, фактический контроль за деятельностью министров с возможностью испрошения царского соизволения на предание министров суду. Как и другие крайне-правые политические организации, Союз русского народа обходил важный политический вопрос об избирательных правах, однако его деятели сна-

чала предлагали заранее законодательно ограничить число еврейских депутатов тремя членами Думы, которые при этом должны были бы избираться всем еврейским населением империи, а уже в избирательной платформе (сентябрь 1906 г.) накануне созыва Государственной думы второго созыва требовали «недопущения евреев под каким бы то ни было видом» в Государственную думу и Госсовет и «к выборам в оные» [10, с. 451].

Таким образом, партии и организации сторонников неограниченного самодержавия выступали против изменения существующего политического строя, против выборной законодательной Государственной думы (а тем более, Учредительного собрания), против равноправных выборов, соглашались трактовать вводимое царским законодательством 1905-1906 гг. *народное представительство* лишь в качестве законосовещательного органа с ограниченной компетенцией, критиковали правительство С.Ю. Витте за начало политических реформ, требовали твердой защиты традиционалистского курса «самодержавие, православие, народность», считали, что император должен сохранить всевластие и не должен выполнять обязательства Манифеста 17 октября 1905 года.

В то же время более умеренная и прагматичная часть монархических партий формально признавала декларированные в Манифесте 17 октября 1905 г. изменения, которые, однако, рассматривались этими партиями как максимальный предел возможных изменений и уступок обществу. Так, **Отечественный союз** (граф В.А. Бобринский, К.Ф. Головин), выражавший интересы российской аристократической элиты, считал главной своей политической задачей не допустить «дальнейшего умаления царской власти» [9, с. 124], расширения избирательных прав, введения в России парламентского строя и формирования ответственного перед Думой министерства.

Некоторые монархические партии для расширения своей социальной базы даже использовали в своих программах термины *конституция* и *парламент*, которые не были свойственны для консервативного тезауруса, хотя и оговаривали неприменимость их содер-

жания для российских реалий начала XX века. Например, Царско-народное русское общество (профессор Казанского университета В.Ф. Залеский, Г.Ф. Отпущенников) – партия «царистов» («монархистов-конституционалистов») рассматривала Манифест 17 октября в качестве конституционного акта, в результате которого, однако, «значение царя не меняется, а напротив, даже возрастает» [9, с. 118]. Начавшийся после объявления о созыве Думы период идеологи ЦНРО трактовали как «зарю парламентаризма», причем всеобщие, равные, прямые и тайные выборы, они считали вопросами «далекого будущего», разясняя, что при выборах в Государственную думу это «абсолютно невозможно» [3, с. 119]. «Царисты» выступали за функционирование в России двухпалатной представительной системы, особо отмечая необходимость скорейшей реорганизации Госсовета.

Проблема выборов и расширения местного самоуправления нашла отражение и в документах **Русского монархического всесословного союза** (Р.М. Серпухов), который, заявляя о своей приверженности монархии и русской народной идее, выступил тем не менее за «всеобщее равное и свободное голосование» [9, с. 121], развитие городского и земского самоуправления и учреждение всесословной волости в качестве мелкой земской самоуправляющейся единицы.

Промежуточное положение между партиями консервативно-охранительного и либерального направления занимала также недолго существовавшая **Партия правового порядка** (А.Е. Белоусов, Н.А. Демчинский, М.А. Алтухов, К.Н. Белоусов), которая концентрировала свое основное внимание на тезисах о единстве и неделимости Российской империи и необходимости сильной государственной власти при обеспечении в стране «правового порядка» (не поясняя сущности этого термина). Называя себя конституционной и призывая к соблюдению прав и свобод Манифеста 17 октября, ППР конкретно не оговаривала в программе своего видения государственного устройства, избирательной системы, прав и полномочий Думы, заявляя, что «Дума призвана содействовать укреплению государственной власти и обеспечению за властью безусловного уважения, бес-

прекословного повиновения», а «член Думы есть деятель государственный» [9, с. 111].

Характеризуя программные установки российских либеральных партий 1905-1907 гг., общепринято выделять в либеральном движении два фланга – правый, в котором наиболее заметной и стабильной была партия октябристов, и левый, представленный кадетской партией и близкими к ней политическими партиями и группами. Формально эти партии стояли на общих принципах признания конституционного строя, гражданских прав и свобод, необходимости законодательного выборного *народного представительства* и выборного местного самоуправления. Однако фактически они весьма заметно различались в политико-правовых трактовках и наполнении этих лозунгов и особенно тактики их реализации, что порождало серьезные противоречия внутри либерального лагеря, а в дальнейшем послужило причиной расхождений в политическом поведении и сделало невозможным их стабильное конструктивное сотрудничество и затрудняло совместную законодательную деятельность в Государственной думе 1906-1917 гг.

Программа **Союза 17 октября** (А.И. Гучков, М.В. Родзянко) без колебаний указывала, что после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 года в стране установился «новый порядок» – народ стал свободным, государство – правовым, а сам государственный строй приобрел характер конституционной монархии. Развитию этого «нового порядка», по мнению идеологов октябристкой партии, был одинаково опасен «и застой, и революционные потрясения», поэтому их тактика по отношению к центральной власти становилась в ходе революции все более лояльной, предполагая, с одной стороны «настоять на возможно скором, полном и широком осуществлении начал Манифеста», а с другой – «оказать содействие правительству, идущему по пути спасительных реформ» [10, с. 324]. «Мы желаем, – заявлял известный октябрист, будущий депутат III-IV Дум и Обер-прокурор Синода при Временном правительстве В.Н. Львов, – союза царской власти и *народного представительства* на основе исторических устоев русского государства, союза церкви и государства, взаимного доверия царя,

как верховной власти и народного представительства, как его помощника, наконец, неделимости России, как единого целого» [11, с. 5]. Идеальное государственное устройство России представлялось октябристам в виде конституционной монархии с народным представительством (Государственной думой). Наличие монархии, по мнению октябристов, должно было быть умиротворяющим и объединяющим все население фактором, а «органическая созидательная» работа Думы могла бы успокоить страну и наметить для думской разработки и постепенного разрешения «вопросы первостепенной важности» [12, с. 4-5].

Октябристы высказывались против необходимости созыва Учредительного собрания, но первоначально считали, что первая Государственная дума может взять на себя проведение важнейших политических реформ: пересмотр Положения о думе, избирательного закона и других законодательных актов [9, с. 101]. Октябристы в этот период даже выступали за включение в избирательный закон всеобщего избирательного права, однако отвергали принцип прямого голосования по причине «неудобства его осуществления» (т.е. признавали многоступенчатость выборов). Предполагалось также, но без подробной расшифровки, дальнейшее развитие местного выборного самоуправления. Программа также обходила спорный в среде либералов вопрос об ответственности министров перед *народным представительством*, однако многие лидеры октябристов практически поддерживали право монарха по своему усмотрению назначать и смещать министров, которые формально были бы ответственны и перед Думой [13, с. 7]. В вопросе о количестве палат (одна или две) и их полномочиях, как впрочем, и по большинству других политических требований и позиций, октябристы, удовлетворялись положениями законодательных актов конца 1905 – начала 1906 гг., оформивших новую авторитарную «думскую» модель государственного устройства Российской империи. Произшедшие изменения октябристы признавали за крупный шаг в реформировании государства, отвечавший их основным программным установкам, поскольку сложившаяся в 1905-1906 гг. политическую систему они стремились

оценивать как конституционную монархию (что, впрочем, никогда не признавалось самим императором Николаем II). Это и предопределило их переход от умеренной оппозиционности в период до принятия Манифеста 17 октября и думского законодательства (Положения о выборах 1905-1906 гг., Положения о Государственной думе и Государственном совете 1906 г.) к сближению и в дальнейшем к сотрудничеству в думский период с царским правительством.

Близкие к Союзу 17 октября умеренно-либеральные политико-правовые позиции занимали созданные накануне созыва I Думы и в большинстве своем распавшиеся в связи с неудачами на выборах малочисленные политические партии и объединения (Торгово-промышленная, прогрессивно-экономическая, умеренно-прогрессивная партии, демократический союз конституционалистов, партия «народного блага», Конституционно-монархический правовой союз, Торгово-промышленный союз и т.д.). Большая часть активных членов этих организаций вскоре примкнула к Союзу 17 октября. Член ЦК партии октябристов В.М. Петрово-Соловово признавал, что эти партии «сходятся в главных политических и экономических принципах и разнятся или во второстепенных подробностях, или даже только в различной формулировке одного и того же положения» [13, с. 4]. Действительно, общим для этих партий было мнение о том, что лучшей формой государственного устройства Российской империи является конституционная монархия, которая, как они считали, была уже установлена Манифестом 17 октября. **Демократический союз конституционалистов** подчеркивал в программе, что его главным началом служит «единомыслие в признании конституционной монархии, наиболее соответствующей для России формой государственного устройства, и взаимодействие на основе свободы и проведения реформ эволюционным путем» [8, с. 3]. **Торгово-промышленная партия** (Г.А. Крестовников, В.В. Якунчиков, В.П. и М.П. Рябушинские) отрицательно отнеслась к требованию созыва Учредительного собрания и выступила также против возможных учредительных функций Думы [8, с. 80]. Некоторые различия программных документов умеренно-либеральных объединений касались

содержания избирательных прав. **Торгово-промышленный союз** (И.С. Крючков, Н.П. Карбасников) и **Умеренно-прогрессивная партия** поддерживали всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, **Партия «народного блага»** указывала на необходимость всеобщих (с 24 лет) и тайных выборов, а **Прогрессивно-демократическая партия** (М.Н. Триполитов, Я.П. Беляев, Д.А. Наратов) ограничивалась общим признанием необходимости всеобщности избирательных прав. На этих принципах предполагалось также развитие выборного местного самоуправления. Как и октябристы, умеренно-либеральные объединения в своих документах обычно обходили вопрос о предпочтительности одно- или двухпалатной представительной системы, однако в характеристике полномочий и прерогатив Думы многие из них были радикальнее Союза 17 октября, шире трактуя желательные для нее законодательные, бюджетные, финансовые права, признавали необходимость думского контроля за деятельностью администрации и ответственности министров перед *народным представительством* [9, с. 79-80, 86-87, 94].

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Циунчук Р.А. Истоки российского парламентаризма: генезис и исторические особенности развития идеи народного представительства XVIII – XIX вв. // Вестнике экономики, права и социологии. – 2008. – № 4. – С. 77-89.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XXV.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XXII-а.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XVI.
5. Всероссийский союз землевладельцев. Журнал заседаний съезда Учредителей Всероссийского союза землевладельцев 17 ноября 1905 г. – М., 1906.
6. Елишев А.И. Зовем ли мы народ назад. Предвыборная речь русского патриота. – Изд. 2. – М., 1907.
7. Велихов Л. Сравнительная таблица русских политических партий. – М., 1906.
8. Чарнолусский В.И. Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. – СПб., 1906.
9. Полный сборник платформ всех русских политических партий. – Изд. 2-е. – СПб., 1906.
10. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М., 1995.
11. Львов В.Н. Программные речи и статьи в Самарском отделе Союза 17 октября. – М., 1906.
12. Воззвание от Союза 17 октября. – М., 1905.
13. Петрово-Соловово В.М. Союз 17 октября, его задачи и цели, его положение среди других политических партий. Речь В.М. Петрово-Соловово, произнесенная 30 декабря 1905 г. на общем собрании Тамбовского отделения «Союза». – М., 1906.

Representation of the People and Parliamentarism in the Programmes of Political Parties of Russia 1905-1917: Political and Legal Ideas, Concepts, Formulae

R. Tsiynchuk
The Kazan State University

The article refers to the complex of political and legal ideas of representation of the people and parliamentarism, presented in the program documents of various Russian political parties and political movements of the beginning of the XX century; and reveals the characteristic features of adaptation and development of these ideas in political and legal doctrines of political powers, competing for their representation in State Duma (1906 – 1917).

Key words: parliamentarism, the state, national representation, the budgetary and financial rights, party programs.

